

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.29.139367>

УДК 811.161.1'373.45:821.161.1'311.3 Минаев

КРУПЕНЁВА Татьяна Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и методики обучения профессиональных дисциплин Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»; ул. Старопортофранковская, 34, г. Одесса, 65020, Украина; тел.: +30674846568; e-mail: taniakrupenev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8887-0163; G — 2976 — 2018.

МАКАРОНИЗМЫ В РОМАНЕ С. МИНАЕВА «ДУХLESS»

Аннотация. Цель данной статьи — выявить языковые средства объективации гипертекста и интердискурса произведения Сергея Минаева «Духless». **Объектом** исследования мы определили язык постмодернистского дискурса. **Предметом** изучения являются макаронизмы, которые представляют иноязычные компоненты в тексте романа С. Минаева «Духless», включённые автором в художественный текст с определёнными целями. Они наделены набором собственных функций в соответствии с эксплицитным или имплицитным авторским замыслом. Исследование материала проводилось, в основном, с помощью синхронно-описательного *метода* с элементами анализа на уровне глубинной семантики. В отдельных случаях использовался экспериментально-трансформационный метод. **Выводы:** макаронизмы выполняют комическую, номинативную, эстетическую функции и функцию агрессивной демонстрации языковой компетентности. Общепринятый взгляд на макаронизмы как на средство, которое используют для создания комического эффекта, не находит подтверждения в работах современных лингвистов. Зачастую макаронизмы ставят на одну ступень с варваризмами, и различительная грань между ними постепенно исчезает. К макаронизмам относят любое иноязычное вкрапление.

Ключевые слова: макаронизм, макароническая речь, языковая игра, постмодернистский дискурс, функции.

Постановка проблемы. Макаронизм — явление ёмкое. Очень сложно дать исчерпывающее определение этому термину. К тому же, использование макаронизмов в художественных целях уходит корнями в античность, их появление в разных языках и функционирование непрерывно переосмыслиется. Существует несколько точек зрения на происхождение этого термина. Ряд лингвистов полагает, что термин «макаронизм» происходит от итал. *macaronismo*. Макароны воспринимались в Италии как грубая крестьянская пища. Выдвигают и другую версию: от итал. *macarone (maccherone)* — «паяц», «хитрюга», «пройдоха». В первом случае содержится намёк на плохое владение латинским языком. Имеются понятия *собачья* или *кухонная латынь* — *Dog Latin*, то есть «плохая» латынь, на которой говорили низшие классы в Древнем Риме. Во втором случае имеется в виду суть макаронизмов, т. е. игра слов. В широком смысле под макаронизмом первоначально понимали слово или выражение из живого народного языка — изначально из итальянского, позднее французского, английского и др., — проникнувшее в литературную латинскую речь в средневековой западноевропейской культуре. В узком смысле макаронизмы — не простое вкрапление слов или фраз на иностранных языках, а, как полагает Ноэль Малколм, комическое использование слова на родном языке с добавлением латинских префиксов [8, с. 104]. Изначально это был не приём, а скорее всего, неумышленное использование иноязычной лексики, как правило, латинских префиксов. Такое поведение было обусловлено непрерывной традицией лингвистического контакта между латынью и национальными языками в эпоху средневековья. Макаронические выражения часто встречались в речи церковнослужителей, а позднее и представителей других профессий.

Связь с предыдущими исследованиями. Изучением макаронизмов занимались такие учёные, как В. В. Карпова, М. Ю. Кириенко, Н. А. Колосова, Л. П. Крысин, А. А. Леонтьев, Ю. Т. Листрова, Т. М. Метласова, Г. Н. Николаева, В. С. Норлусенян, В. Н. Павлова, О. В. Шимарова. Основной функцией макаронической речи принято считать комическую, что объясняется неожиданным контрастом макаронизма с принимающим его текстом. Макароническая речь положила начало целой эпохе макаронической поэзии, где, по мнению многих учёных, беспорядочно смешивались слова, относящиеся к разным языкам. Н. В. Урсул отмечает активное использование макаронизмов для создания языковой игры, комического эффекта, в качестве средства метафорического и метонимического переосмысления [7, с. 106]. М. Ю. Кириенко относит макаронизмы к популярной разновидности языковой игры среди участников интернет коммуникации, которые стремятся создать пародии на известные произведения [1, с. 111].

Постановка исследовательских задач. Учитывая специфику языка постмодерна, мы толкуем макаронизм как смешение слов и словосочетаний различных кодов и лексикодов, то есть не только лексических единиц различных этнических языков, но и различных стилей, сфер национального языка: книжной лексики с просторечием, жаргонизмами, инвективами, профессионализмами и под. Макаронизмы не только карнавализируют художественный дискурс, ломают границы между интеллектуальным, высоким и сниженным. Они, по нашему мнению, выполняют регулятивную функцию, функцию воздействия на читателя. Недаром современные специалисты называют постмодернистские тексты

«поэтикой манипуляции», которая захватывает всё больше людей. Цель данной работы — выявить языковые средства объективации гипертекста и интердискурса произведения Сергея Минаева. Объектом исследования мы определили язык постмодернистского дискурса. Предметом исследования являются макаронизмы, которые являются иноязычными компонентами в тексте романа С. Минаева «Dухless» [3], включёнными автором в художественный текст с определёнными целями, и наделены набором собственных функций в соответствии с эксплицитным или имплицитным авторским замыслом. Исследование материала проводилось, в основном, с помощью синхронно-описательного метода с элементами анализа на уровне глубинной семантики. В отдельных случаях использовался экспериментально-трансформационный метод.

Изложение основного материала. В трактовке такой группы иноязычной лексики, как макаронизмы наиболее стабилен признак нетранслитерированности. Недаром их ещё называют «иноязычными вкраплениями», тем самым отказывая им в системности. Этот тип иноязычия, связанный с использованием иной графики — латиницы, — характерен для многих современных речевых жанров. Само по себе оформление средствами «чужого» алфавита как будто выводило макаронизмы из лексической системы языка и оставляло им функцию чисто речевого явления. Игра с графикой, контаминация латиницы и кириллицы — типичный приём, используемый С. Минаевым в самой сильной позиции текста — в заголовке: «Dухless». Как пишет Г. М. Соловьёв: «...гибрид русского и английского «Dухless» был призван, видимо, «перекрасить» уже существующее понятие «бездуховность» на новомодный манер» [6, с. 403]. В. Новиков, напротив, считает название удачным: «...Неожиданным оказался бешеный тиражный успех книги С. Минаева «Dухless». Театр начинается с вешалки, прикол — с заглавия. Уж, казалось бы, такое общее место: духовность — это хорошо, бездуховность — плохо. Кто спорит? А Минаев заезженную «бездуховность» вывернул наизнанку и вместо русского «без» подшил английский суффикс «less» — всего-то и делов. И сработало. Маркетинг... и Увы, всё произведение соткано из риторического старья. Пожалуй. Стоило бы переписать его от начала и до конца. Но название и подзаголовок оставить. Это прикольно. Это неожиданный сигнал: «продвинутую» молодежь затошнило от потребительского благополучия» [4, с. 26].

Все макаронизмы в романе С. Минаева можно разделить на классы, учитывая сферу-донор, графическое оформление, структурно-лингвистические характеристики, текстовую функцию. Опираясь на эти принципы мы выделили следующие группы макаронизмов:

1. Кодовые вкрапления:

— иноязычные слова или тексты в оригинальном графическом оформлении: «*И тут из второго зала выплывает настоящий герой Fashion TV, воплощение клубной культуры и nightfeverstyle, человек из первой пятёрки московских клубных промоутеров — Миша по прозвищу VooDoo*»;

— иноязычные слова, фразы в другом графическом оформлении. Чаще всего это немецкие либо английские фрагменты, написанные кириллицей: «*В какой-то момент у меня звонит мобильный и говорит голосом моего питерского интернет-приятеля Миши:— Зиг хайль!— Воистину зиг хайль! — отвечаю я; «Это был быстрый промоушен конкурентов. Вероятно, неудачный икс-спирене, поскольку продукция данного вида более не появлялась*». Но иногда автор использует оформления слов латинской графикой: «*Но на каждый вопрос подобного рода они всегда готовы ответить историей про то, как у них отняли блестящий и доходный бизнес казнокрады чиновники или krytie bandity from Taganka Area*»;

— слова-гибриды: наиболее типичным примером является название самого романа, состоящее из русского слова «Дух» и английского суффикса *-less*, который означает отсутствие чего-то. Таким образом, название романа означает «бездуховность».

В романе много книжной лексики как иноязычной, так и исконной, а также сложных синтаксических конструкций: «*Наш милый офис находится в одном из первых бизнес-центров города. В Riverside Towers, этой цитадели корпоративного ужаса. Само название, по замыслу его создателей, должно, вероятно, вызывать у работающих в нём ассоциации с такими ажурными дворцами на берегу благословенной реки. Но у меня лично с первого дня работы оно вызывает ассоциации с жуткими готическими замками или юдолями зла из романов-фэнтези. Ранним зимним утром, когда на улице ещё не слишком светло, кирпичные башни загораются восковыми глазницами окон, как ожившая иллюстрация к книгам Толкиена*». В большинстве высказываний объединены книжная лексика, просторечие, жаргон и обценная лексика: «*Прикол в том, что чуви-ха, сидящая с ним за столом, всё это понимает, более того, у неё таких стареющих донжуанов по восемь штук на неделе*».

По структуре макаронизмы можно разделить на прецедентные тексты, фразы, словосочетания, лексемы и слова-гибриды. Рассмотрим особенности использования макаронизмов в авторской речи (внутренней речи рассказчика) и в изображённых диалогах. В художественной коммуникации взаимодействие между говорящим и реципиентом реализуется как акт чтения. Именно автору принадлежит определяющая роль в выражении диалогичности художественного текста, так как он задаёт направление потенциального диалога с читателем. Образ автора в постмодернистских романах намеренно уравнивается в правах с персонажем. Отсутствие чётких границ между автором и персонажем, автором и рассказчиком, своеобразная языковая игра, в которой автор использует приём

«маски», отождествляя себя с персонажем, характеризует выражение говорящего в постмодернистском дискурсе. Учитывая это, Н. В. Кондратенко предложила различать два способа репрезентации позиций речевого субъекта — рассказчика и метаавтора [2, с. 151]. Метаавтор — это позиция говорящего, которая предусматривает отстранённое отношение к собственному тексту. Проявлением такой позиции является наличие в тексте комментариев, объяснений, толкований. Презентация авторской позиции С. Минаева выражена в названиях глав, эпиграфах, объяснениях, комментариях к некоторым иностранным словам. Причём объясняются далеко не все слова. Среди названий структурных частей находим: две части названы на английском языке с соответствующим комментарием-переводом **GET RICH OR DIE TRYING** (Разбогатеи или сдохни, пытайся [разбогатеть]), **INSOMNIA** (Бессонница). Названия некоторых разделов — тоже макаронизмы разного типа: **Perfectday. Overture. Промоутер. Тусовка.**

Метаавтор — субъект, который объединяет все части романа, для него настоящим есть одно целостное текстовое пространство. Метаавтору противопоставлен рассказчик, который олицетворяет внутреннюю текстовую реальность. Этот субъект речи представлен через речь главного героя романа. Субъектно-текстовая диалогичность реализована не через авторское, а через повествовательное сообщение. В наррации тоже есть макаронизмы, что усиливает диалогичность романа: создаётся впечатление, что читатель для рассказчика — свой человек: или очень умный, или очень раскованный. Например: «*Этакая сплошная dolcevita с перелётами на частных самолётах из Парижа в Милан, с принцами на белых лимузинах и прочими атрибутами низкобюджетных голливудских фильмов-сказок*»; «*Миром давно уже не правит капитал. Лицемерие и ханжество — вот истинные короли мира*»; «*Здесь все разнюхиваются кокаином, ходят, как олигофрены, тряся головами, но во всех печатных изданиях и СМИ эта тема старательно обходится стороной, табуируется и вымарывается чьим-то маркером*».

Сочетание двух регистров обнаруживает сочетание внешнего поведения и внутреннего состояния рассказчика. Но всё же субъект рассказа только подчёркивает диалогичность текста, так как большинство сообщений обращены на самого автора, на его внутренний голос, а внешне он может рассказывать что-то совсем другое. Формально постмодернистский художественный дискурс тяготеет к монологичности, а диалогические единства в нём менее употребительны. Вместо этого повышается общая внутренняя диалогичность произведения. Многие реально изображённые диалоги свидетельствуют о раздвоенности говорящего. Это характерная черта постмодернистского романа, где конфликт с миром проявляется через внутренний конфликт субъекта. При этом мы можем наблюдать и внешние реплики героя, и его внутренний голос, который может комментировать событие с употреблением макаронизмов. Со своими приятелями рассказчик обычно говорит, употребляя сниженную лексику: «*И ты думаешь, что он больше продавать станет, если ты ему мозги запылишь этим?*». И настаивает, чтобы они не употребляли без надобности иностранных сленговых слов в русской речи: «*Я... (на лбу Паши собираются морщины) я был занят офисной работой. И потом, ситуация не требовала моего аутсорсинга со стороны подчинённых. — Чего она такого не требовала? — кривлюсь я. — Аутсорсинга. — А ты по-русски это слово сказать не можешь? «Моего привлечения», например? Или «моего участия»? — Но ведь существует ряд общепринятых выражений в бизнес-этике, и я полагаю, что...*».

В некоторых диалогах автор использует макароническую речь для пародирования неприятных для главного героя персонажей, внутренний голос тоже содержит макаронизмы с пониженной стилистической окраской: «*Я хотел бы говорить на то, што этот имаж вьесьма провакасьон. — Это чего же там такого провакасьон? — начинаю заводиться я. — Этот имаж похож на гангста-фильм «ScarFaced» с Аль Пачино, ву компроне? (Продолжает он на англо-русско-французском диалекте.) Этот гора корн луке лайк а (он делает паузу) драг, ю си? Нашь консьюмер не есть гангста. И это очень демедж имаж брэнда и может вызывать у консьюмер нехороший фидлинг. О'кей? И у нас есть проблем, который нада решить. Вот что я хотел бы говорить*».

Своё отношение к диалогам в дорогих ресторанах и барах герой проявляет с помощью моделирования типичных разговоров «золотой молодёжи»: «*В основном все разговоры строятся вокруг трёх фраз: «Полный отетой», «Забудь об этом» и «Какая разница?». Кажется, люди собрались здесь, чтобы покидаться этими фразами друг другу в лицо. Все прочие слова являются фоном. Я вместе со всеми веду эту херовую беседу, изредка вставляя свои предложения: — Говорят, «First» закроется на ремонт... — Да? Что, после ремонта будет ещё хуже? — Не знаю, но обещаю, что будет очень круто!». Внутренняя раздвоенность говорящего, его негативное отношение к окружающему миру обуславливают поиск адресата, способного к адекватному коммуникативному взаимодействию. Учитывая этот фактор говорящего, реализация авторского мировоззрения в амбивалентной картине мира выступает на первый план, заслоняя адресата. В постмодернистском дискурсе диалогичность эксплицирована на всех уровнях коммуникации: текст — читатель, текст — автор и текст — текст.*

Таким образом, можно говорить о диалогичности постмодернистского дискурса на микро- и макро- уровнях. Наличие на этих уровнях макаронической речи и его повышенная или пониженная экспрессивность обусловлена типом диалога. По мнению В. С. Норлусенян, современные макаронизмы не засоряют язык, а оптимизируют его ресурсы. В современном дискурсе автор наряду с но-

минативной функцией макаронизмов выделяет функцию агрессивной демонстрации языковой компетентности [5, с. 7–8]. Макаронизмы играют роль аттрактивного, декоративного, побудительного, стилиобразующего, компрессирующего средства. Н. В. Урсул считает, что макаронизмы являются важным стилистическим приёмом, являющимся отличительной чертой отдельно взятого билингва [7, с. 105]. Макаронизмы как иноязычные вкрапления присущи любому языку, однако они являются достаточно редкими и нетрадиционными средствами стилистической выразительности. Макаронизмы могут нести смысловую нагрузку ключевого текстового фрагмента, без которого невозможно понимание замысла автора. В таком ключе к вышеперечисленным добавляется эстетическая функция макаронизмов.

Выводы. Таким образом, к функциям макаронизмов в художественной речи Сергея Минаева можно отнести следующие: комическую, номинативную, эстетическую и функцию агрессивной демонстрации языковой компетентности. Общепринятый взгляд на макаронизмы как на средство, которое используют для создания комического эффекта, не находит подтверждения в работах современных лингвистов, зачастую макаронизмы ставят на одну ступень с варваризмами, и различительная грань между ними постепенно исчезает. К макаронизмам сегодня относят любое иноязычное вкрапление.

Литература

1. Кириенко М. Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Ростов н/Д., 1992. — 140 с.
2. Кондратенко Н. В. Синтаксис українського модерністського і постмодерністського художнього дискурсу : [монографія]. — К.: ВД Дм. Бураго, 2012. — 328 с.
3. Минаев С. С. *Dukhless*. Повесть о настоящем человеке : [роман]. — М. : АСТ : Астрель; Киев : ТОВ ЦНМЛ, 2011. — 320 с.
4. Новиков В. Словарь модных слов. — М. : Зебра Е, 2005. — 156 с.
5. Норлусян В. С. Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Ростов н/Д., 2000. — 28 с.
6. Соловьёв Г. М. Размышления о настоящей литературе, или геморрой нашего времени // Слово. Нравственность. Закон : сборник научных трудов, посвящённых юбилею профессора А. В. Осташевского. — Краснодар, 2009. — Ч. 2. — С. 399–405.
7. Урсул Н. В. Развитие макаронизмов в британской культуре // Лингвострановедение : методы анализа, технология обучения : сборник статей : в 2 ч. — М. : Изд-во МГИМО–Университет, 2012. — Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. — С. 105–112.
8. Malcolm N. *The Origins of English Nonsense*. — London : Fontana Press, 1997. — 328 p.

References

1. Kirienko, M. Yu. (1992), *Macaroni speech as a function of foreign inclusions : Thesis [Makaronicheskaja rech' kak funkcija inozazychnykh vkraplenij : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Rostov on Don, 140 p.
2. Kondratenko, N. V. (2012), *Syntax of Ukrainian Modernist and Postmodern Art Discourse [Syntaksys ukrai'ns'koho modernist'koho i postmodernist'koho khudozhn'oho dyskursu]*, Dmitry Burago Publishing House, Kiev, 328 p.
3. Minaev, S. S. (2011), *Spiritless. The Tale of an Unreal Man [Dukhless. Povest' o nenastojashhem cheloveke]*, AST, Moscow, TOV, Kiev, 320 p.
4. Novikov, V. (2005), *Dictionary of fashion words [Slovar' modnykh slov]*, Zebra E, Moscow, 156 p.
5. Norlsenyana, V. S. (2000), *Macaronisms of English origin in modern Russian : Author's thesis (synopsis) [Makaronizmy anglijskogo proiskhozhdenija v sovremennom russskom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Rostov-na-Donu, 28 p.
6. Soloviev, G. M. (2009), «Reflections on fictitious literature, or hemorrhoids of our time», *Word. Moral. Law : collection of scientific papers [«Razmyshlenija o nenastojashhej literature, ili gemorroj nashego vremeni», Slovo. Nравstvennost'. Zakon : sbornik nauchnykh trudov, posvjashhennykh jubileju professora A. V. Ostashevskogo]*, Krasnodar, vol. 2, pp. 399–405.
7. Ursul, N. V. (2012), «The development of macaronic speech in British culture», *Linguistic country studies : methods of analysis, technology of teaching : collection of articles : in 2 vol. [«Razvitie makaronizmov v britanskoj kul'ture», Lingvostranovedenie : metody analiza, tehnologija obuchenija : sbornik statej : v 2 ch.]*, MGIMO-University Publishing house, Moscow, vol. 1, pp. 105–112.
8. Malcolm, N. (1997), *The Origins of English Nonsense*, Fontana Press, London, 328 p.

КРУПЕНЬОВА Тетяна Іванівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології та методики навчання фахових дисциплін
Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»;
вул. Старопортофранківська, 34, м. Одеса, 65020, Україна; тел.: +38 067 4846568;
e-mail: taniakrupenev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8887-0163; G-2976-2018

МАКАРОНІЗМИ В РОМАНІ С. МІНАЄВА «ДУХLESS»

Анотація. *Мета* цієї статті — виявити мовні засоби об'єктивації гіпертексту і інтердискурсу твору Сергія Мінаєва «Духless». *Об'єктом* дослідження визначено мову постмодерністського дискурсу. *Предметом* вивчення є макаронізми, які є іншомовними компонентами в тексті роману С. Мінаєва «Духless», і які включено автором з певною метою. Вони наділені набором власних функцій відповідно до експліцитного або імпліцитного авторського задуму. Дослідження матеріалу проводилося з опертям на синхронно-описовий *метод* з елементами аналізу на рівні глибинної семантики. В окремих випадках було використано експериментально-трансформаційний метод лінгвістичного дослідження. **Висновки:** макаронізми виконують комічну, номінативну, естетичну функції, а також функцію агресивної демонстрації мовної компетентності. Загальноприйнятий погляд на макаронізми як на засіб, який використовують для створення комічного ефекту, не знаходить підтвердження в працях сучасних лінгвістів. Нерідко макаронізми ставлять на один щабель з варваризмами, і розрізнявальна межа між ними поступово зникає. До макаронізмів відносять сьогодні будь-яке іншомовне вкраплення.

Ключові слова: макаронізми, макаронічна мова, мовна гра, постмодерністський дискурс, функції.

Tatiana I. KRUPENOVA,

PhD (Philology), Associate Professor, Ukrainian philology and methods of teaching professional disciplines, South Ukrainian K. D. Ushynsky National Pedagogical University; 34 Staroportofrankovskaya str., Odessa, 65020, Ukraine; tel.: +38 067 4846568; e-mail: taniakrupenev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8887-0163; G-2976-2018

MACARONISMS IN THE NOVEL BY SERGEY MINAEV «DUKHLESS»

Summary. The *purpose* of this article is to identify the language means of objectifying hypertext and interdiscourse of the work of Sergei Minaev. The *object* of the study is the language of postmodern discourse. The *subject* of the study is macaronic language as a foreign language component in the novel of S. Minaev «Dukhless», which is included in the literary text with specific objectives and endowed with its own set of functions in accordance to the explicit or implicit author's intention. The study of the material was carried out mainly with the help of a synchronous-descriptive *method* with elements of analysis at the level of deep semantics. In some cases, the method of linguistic experiment and transformation was used. **Conclusions:** macaronic language functions include: comic, nominative, aesthetic, aggressive demonstration of language competence. The conventional view on macaronic language as a tool that is used to create a comic effect is not confirmed in the works of modern linguists, often macaronic language is put on a par with barbarisms and the distinctive facet fades out between them. For macaronic language, any foreign language is included.

Key words: macaronic language, language game, postmodern discourse, functions.

Статтю отримано 28.03.2018 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.29.139374>

УДК 811.161.1'373.22:82-31 Толстой Л.

МУРАДЯН Ирина Владимировна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мови Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова; Французький бульвар, 24/26, г. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 048 7762277;
e-mail: muradyan@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2354-0176

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Аннотация. *Цель* данной статьи — установить историю появления фамилии *Вронский* в тексте романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». *Объектом* исследования является влияние литературной традиции именования персонажей в художественном тексте. *Предмет* — работа Л. Н. Толстого над номинацией основных персонажей романа «Анна Каренина». *Материалом* послужили именованные в черновиках и окончательном варианте романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», номинации в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, дневники Л. Н. Толстого и воспоминания современников. В *результате* исследования было выявлено, что в черновиках Л. Н. Толстого первоначально главный герой имел три разные фамилии. Привлекая названные тексты и дневниковые записи Л. Н. Толстого, автор приходит к следу-